

Т. Г. Жилинская

ЭПИЗОД НАШЕСТВИЯ В ДО МАЖОРЕ (музыкально-исторический экскурс с элементами театрализации)

...Будущий историк наших дней отметит одно обстоятельство... Искусство, которое в другой стране в такую пору отошло бы в сторону, приютилось под сенью «тыловой тишины», у нас стало оружием, разящим врага.

Д. Д. Шостакович

Замысел этой симфонии возник в первые дни войны, когда на глазах у тысяч людей рушилась созданная ими красота мира. Красота не в глобальном смысле — дворец, страна, эпоха, — а красота обыденного дня, счастливого дня без войны. Красота распускающегося цветка, свежеспаннанных полей, взгляда жизнеутверждающей молодости... Сам 35-летний профессор консерватории Д. Д. Шостакович радостно прыгал по мостовой Ленинграда, торопясь на футбольный матч, когда «рупора прокричали в отчаянии» о нашествии.

Оно возникло неожиданно и неизбежно, как простенький наигрыш на какой-то дудке, призрачный и нереальный. Повторенный еще 11 раз, он дойдет до предела хаоса и разрушения. Это — эпизод нашествия «Ленинградской», Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

Мелодия начинает повторяться с назойливой аккуратностью. Вот она у низкой флейты — сумрачная, как в неясном, тревожном сне, на фоне качающихся басов. Со временем в ней появляются реальные черты, в результате чего мы понимаем, что это идет война, но еще не верим, т. к. знаем, что успеем проснуться, тем более что интонации начинают приобретать ярко выраженный туповатый характер. Гобой, играющий в «гусином» регистре, повторяющий его фагот, — все это кажется диалогом идиотов с «цинковой мордой» [1]. Весь ужас в том, что война неумолимо

и методично движется на нас. Нет, это не сон! Это нечто обрастающее железом и кровью, заставляющее до боли сжимать кулаки и молиться, что не жили мы в ту минуту и только на генетическом уровне будет преследовать нас и детей наших весь этот ужас «серого» до мажора. А он торжествует уже воинственностью медных инструментов.

Канон и параллельными трезвучиями движется война. Она насмехается над всем человечным в литаврах и барабанах, начинает сметать все на пути своем мощным усилением динамики. Война страшна. Ее «крючкообразная» тема низким регистром звучит в унисон со многими инструментами и сотрясает мир. Есть ли еще что-то, способное ей противостоять? К 9-й вариации вместе играют уже все медные инструменты. Остальной оркестр, смятый их разрушительной силой, стонет, плачет, испускает жалобные вопли и крики. Возникает страшная картина бедствия, страдания и смерти. Тема становится атональной, рассеивается сон, и мы уже ясно видим ползущее железное чудовище в ляжке и грохоте гигантского тутти. Хаотически, в разные голоса, скандируются кварто-квинтовые интонации, наступает предел металлической мощи чудовища, не способного мыслить и чувствовать. Нет силы, способной его остановить! Только если чудо. Чудо происходит в неожиданно появившемся ля мажоре, и в бешеном движении музыки страшная тема войны сталкивается с грозной и суровой интонацией сопротивления.

Композитор мужественно и просто переносит нас в центр грандиозной битвы между ненавистными пороками человечества и идеей земного разума и счастья. Далее музыкальная ткань, по словам самого Д. Д. Шостаковича, повествует «о наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества нашего над врагом... о величии нашего народа... о нашей прекрасной природе, о гуманизме, о красоте...» [2]. Он посвящает музыку своему любимому городу — Ленинграду, который отказывается покинуть даже в самые трагические дни. Именно там каждый день гениальный композитор — простой участник народного ополчения — роет окопы, каждую ночь в одежде пожарника дежурит на крыше дома консерватории, а когда стихает грохот бомб и вой сирен, с лихорадочной быстротой пишет произведение, которое многочисленные газетные статьи назовут «Симфонией всепобеждающего мужества», «Симфонией гнева и борьбы», «Симфонией, рожденной бурей» и т. д. К сентябрю были дописаны уже три части: драма, лирика и эпос. Только тяжелая болезнь и полное измождение заставили автора эвакуироваться в Куйбышев. Несмотря на декабрь 1941 г., когда немцы стояли уже под Москвой, он создает победный финал. Музыка летит в будущее — в величественный мир идей, знаний и культуры. Тема Че-

ловека подхватывает нас светом пронзительно звучащих скрипок и бросает в бушующий оркестр счастья.

Вот уже 55 с лишним лет звучит в мире Седьмая, героическая симфония XX в. Д. Д. Шостаковича. Ее премьера в Куйбышеве 5 марта 1942 г. в исполнении оркестра Большого театра под управлением С. Самосуда была триумфальна. 9 августа 1942 г., в день, когда А. Гитлер планировал с парадным шествием пройти по сломленному городу на Неве, симфония была исполнена в Ленинграде. Под управлением К. Элиасберга самый трагический оркестр в мировом исполнительстве, музыканты которого вырывались прямо из боя, голодные, раненые, почти бесплотные, сотворил чудо — рассказал о нашей победе истерзанным душам ленинградцев и всему человечеству.

Жарким было лето 1942 г. в Нью-Йорке. 75-летний А. Тосканини, величайший дирижер мира, беспокойно топтался по пристани в ожидании лайнера, который должен был привезти ценный груз — музыку, передающую грандиозную эпопею борьбы советского народа. Ноты, отснятые на фото пленку, из Москвы на самолете были отправлены в Ташкент, Ашхабад, оттуда в Иран, Ирак, затем в Египет. Симфония перелетела через всю Африку и уже на корабле пересекла Атлантический океан. А. Тосканини сам организовал размножение фотокопий, он даже отложил свой летний отпуск и приступил к репетициям. Мастер работал как обычно: одержимо и с упоением, изнурая оркестр, но превращая тем самым всех в гениальных музыкантов, с наслаждением открывающих каждую композиторскую ноту нового произведения. Наконец-то усталый maestro № 1 спустился с эстрады и произнес исторические слова: «Она так написана. Теперь пусть другие начинают свои истолкования» [3].

Нью-йоркская премьера состоялась 19 июля 1942 г. «После последнего взмаха Тосканини, завершившего поистине грандиозный финал симфонии, — писал тогда один из видных американских критиков, — я думаю, что каждый из присутствующих в зале повернулся к своему соседу (я это сделал!) и сказал: “Какой дьявол может победить народ, способный создавать музыку, подобную этой!”» [3].

Литература

1. Толстой А. О Седьмой симфонии Шостаковича // Музыкальная жизнь. 1985. № 9. С. 17.
2. Детская энциклопедия. М., 1961. Т. 10. Литература и искусство. С. 553.
3. Хентова С. Любимая музыка. Киев, 1989. С. 103.